

ISSN: 2181-9416

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

ҲУҚУҚИЙ, ИЖТИМОИЙ, ИЛМИЙ-АМАЛИЙ ЖУРНАЛ

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

ISSN 2181-9416
Doi Journal 10.26739/2181-9416

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ

4 СОН, 2 ЖИЛД

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 4, ВЫПУСК 2

LAWYER HERALD

VOLUME 4, ISSUE 2

TOSHKENT-2022

**ДАВЛАТ ВА ҲУҚУҚ НАЗАРИЯСИ ВА ТАРИХИ.
ҲУҚУҚИЙ ТАЪЛИМОТЛАР ТАРИХИ**

1. МАНСУРОВА Нилуфар Мухсинжон қизи
ФАХРУДДИН ЎЗГАНДИЙНИНГ ЭР-ХОТИННИНГ МУЛКИЙ ҲУҚУҚ ВА МАЖБУРИЯТЛАРИ
ТЎҒРИСИДА ҚАРАШЛАРИ..... 8

**КОНСТИТУЦИЯВИЙ ҲУҚУҚ. МАЪМУРИЙ ҲУҚУҚ.
МОЛИЯ ВА БОЖХОНА ҲУҚУҚИ**

2. МАДРИМОВ Хушнуд Кувандикович
ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИДА ТАДБИРКОРЛИК СУБЪЕКТЛАРИНИНГ
ҲУҚУҚЛАРИ ВА ҚОНУНИЙ МАНФААТЛАРИНИ СУДДА ҲИМОЯ ҚИЛИШНИНГ
АЙРИМ ДОЛЗАРБ МАСАЛАЛАРИ..... 14

3. АЗАТОВ Жаҳонгир Айбекович
ЗАЩИТА ДОВЕРИЯ КАК ПРИНЦИП АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР 21

**ФУҚАРОЛИК ҲУҚУҚИ. МЕҲНАТ ҲУҚУҚИ. ИҚТИСОДИЙ ПРОЦЕССУАЛ
ҲУҚУҚИ. ҲАКАМЛИК ЖАРАЁНИ ВА МЕДИАЦИЯ**

4. САЛИМОВА Ирода Мамаюсуфовна
ФУҚАРОЛИК ИШЛАРИНИНГ ТААЛЛУҚЛИЛИГИ ВА СУДЛОВЛИЛИГИ:
ҚИЁСИЙ-ҲУҚУҚИЙ ТАҲЛИЛ..... 29

5. АЧИЛОВА Лилия Илхомовна, АШУРОВА Мадина
ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК» В МЕЖДУНАРОДНОМ
КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ 36

6. ЭРКАБАЕВА Шахноза Икромжоновна
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ОГРАНИЧЕННОГО
ПАРТНЕРСТВА И КОММАНДИТНОГО ТОВАРИЩЕСТВА 44

**ЖИНОЯТ ҲУҚУҚИ, ҲУҚУҚБУЗАРЛИКЛАРНИНГ ОЛДИНИ ОЛИШ.
КРИМИНОЛОГИЯ. ЖИНОЯТ-ИЖРОИЯ ҲУҚУҚИ**

7. ХАМЗАЕВ Дилавер Дилшод угли
ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТВА О БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ
ФИНАНСОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ 53

8. УТЕМУРАТОВА Сапаргул Шамшетовна
АТРОФ-МУҲИТНИ МУҲОФАЗА ҚИЛИШ СОҲАСИДАГИ ЖИНОЯТЛАРДА
(ЖК 193-196 МОДДАЛАР) ЖИНОИЙ ОҚИБАТ ТУРЛАРИ..... 63

**ЖИНОЯТ ПРОЦЕССИ. КРИМИНАЛИСТИКА,
ТЕЗКОР-ҚИДИРУВ ҲУҚУҚ ВА СУД ЭКСПЕРТИЗАСИ**

9. МАХМУДОВ Суннатжон Азим ўгли
ЖИНОЯТ ИШИНИ ТУГАТИШДА ИСБОТ ҚИЛИШНИНГ ЎЗИГА ХОС ЖИҲАТЛАРИ 69

ХАЛҚАРО ҲУҚУҚ ВА ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ

10. ГАФУРОВА Нозимахон Эльдаровна
ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ
МЕДИЦИНЫ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН..... 78

ҲУҚУҚИЙ АМАЛИЁТ ВА ХОРИЖИЙ ТАЖРИБА

11. ХУЖАЕВ Шохжахон Акмалжон угли ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К СОЦИАЛЬНЫМ СЕТЯМ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	88
12. ШУКУРОВА Мухаё Мукумжановна ЖИСМОНИЙ ВА ЮРИДИК ШАХСЛАРНИНГ МУРОЖААТЛАРИНИ КЎРИБ ЧИҚИШДА ДАВЛАТ ОРГАНЛАРИ ВА ТАШКИЛОТЛАРИ МАНСАБДОР ШАХСЛАРИНИНГ ЖАВОБГАРЛИГИНИ КУЧАЙТИРИШ МАСАЛАЛАРИ	97
13. МУКУМОВ Бобур Мелибой угли ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ ЦИФРОВОГО БАНКИНГА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН И ДРУГИХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	107

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ ВЕСТНИК ЮРИСТА LAWYER HERALD

ҲУҚУҚИЙ АМАЛИЁТ ВА ХОРИЖИЙ ТАЖРИБА

ХУЖАЕВ Шохжахон Акмалжон угли

Заведующий кафедрой Права интеллектуальной собственности
Ташкентского государственного юридического университета,
Доктор философии по юридическим наукам (PhD)
E-mail: intertoto50@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К СОЦИАЛЬНЫМ СЕТЯМ В УЗБЕКИСТАНЕ

For citation (иқтибос келтириш учун, для цитирования): ХУЖАЕВ Ш.А.
Правовые основы ограничения доступа к социальным сетям в Узбекистане // Юрист
ахборотномаси – Вестник юриста – Lawyer herald. № 4 (2022) С. 88-96.

 4 (2022) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9416-2022-4-11>

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются научно-теоретические и правовые аспекты ограничения доступа к социальным сетям. С учетом мнений исследователей автором были разъяснены два подхода к ограничению доступа к социальным сетям – подходы «использования социальных сетей для неправомерных целей» и «свободы Интернета». На основе изучения законодательства Республики Узбекистан раскрыты процедура и механизм ограничения доступа к социальным сетям. В частности, были изучены нормы законодательства об информатизации и о персональных данных, исследованы полномочия соответствующих государственных органов. Кроме того, были рассмотрены вопросы информационной безопасности в социальных сетях. Принимая во внимание мнения ученых и правоприменительную практику, автор пришел к выводу, что ограничение доступа к социальным сетям должно осуществляться только по решению суда.

Ключевые слова: информатизация, контент, информационный ресурс, суд, блокировка, блогер.

ХУЖАЕВ Шохжахон Акмалжон ўғли

Тошкент давлат юридик университети Интеллектуал мулк ҳуқуқи
кафедрасининг мудир, юридик фанлар бўйича фалсафа доктори (PhD)
E-mail: intertoto50@gmail.com

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ТАРМОҚЛАРДАН Фойдаланишни ЧЕКЛАШНИНГ ҲУҚУҚИЙ АСОСЛАРИ

АННОТАЦИЯ

Мазкур мақолада ижтимоий тармоқлардан фойдаланишни чеклашнинг илмий-назарий ва ҳуқуқий жиҳатлари таҳлил қилинган. Муаллиф томонидан тадқиқотчиларнинг қарашлари асосида ижтимоий тармоқлардан фойдаланишни чеклашга нисбатан иккита ёндашув – “қонунга ҳилоф ҳаракатларни амалга ошириш мақсадида ижтимоий тармоқлардан фойдаланиш” ва “Интернет эркинлиги” ёндашувлари изоҳланган. Ўзбекистон Республикаси қонунчилигини ўрганиш асосида ижтимоий тармоқлардан фойдаланишни чеклаш тартиби ва механизми ёритиб берилган. Хусусан, ахборотлаштириш ва шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонунчилик нормалари тадқиқ этилган, тегишли давлат органларининг ваколатлари ўрганилган. Бундан ташқари, ижтимоий тармоқларда ахборот хавфсизлиги масалалари ҳам кўриб чиқилган. Олимларнинг фикрлари ва ҳуқуқий амалиётни инобатга олган ҳолда муаллиф ижтимоий тармоқлардан фойдаланишни чеклаш фақат суд қарори билан амалга оширилиши лозимлиги тўғрисидаги хулосага келган.

Калит сўзлар: ахборотлаштириш, контент, ахборот ресурси, суд, блоклаш, блогер.

KHUJAYEV Shokhjakhon

Head of the Department of Intellectual Property Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy in Law (PhD)

E-mail: intertoto50@gmail.com

LEGAL BASIS FOR RESTRICTING ACCESS TO SOCIAL NETWORKS IN UZBEKISTAN**ANNOTATION**

This article analyzes the scientific, theoretical and legal aspects of restricting access to social networks. Based on the opinions of researchers, the author explained two approaches to restricting access to social networks – the approaches of “using social networks for illegal purposes” and “Internet freedom”. Based on the study of the legislation of the Republic of Uzbekistan, the procedure and mechanism for restricting access to social networks are disclosed. In particular, the norms of legislation on informatization and personal data were studied, the powers of the relevant state bodies were investigated. In addition, the issues of information security in social networks were also considered. Taking into account the opinions of scientists and law enforcement practice, the author came to the conclusion that the restriction of access to social networks should be carried out only by a court decision.

Keywords: informatization, content, information resource, court, blocking, blogger.

На сегодняшний день социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Социальные сети стали не только местом для общения людей, но и удобной платформой для поиска информации, осуществления заказов в рамках электронной коммерции. Само по себе, появление официальных страниц государственных органов и должностных лиц в социальных сетях превратило социальные сети в некую виртуальную платформу взаимодействия между личностью, обществом и государством. Поэтому неудивительно, что блокировка социальных сетей вызывает бурную дискуссию среди пользователей национального сегмента сети Интернет.

Блокировка социальных сетей означает ограничение доступа к ним. Следовательно, блокировка как организационно-техническая мера в правовом

контексте означает невозможность использования социальной сети (отправки сообщения, загрузки контента и т.д.). Данная мера применяется, как правило, для защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства. Перед тем, как перейти к вопросам правового регулирования ограничения доступа к социальным сетям рассмотрим научно-теоретические воззрения по этому вопросу.

В научно-теоретических кругах вопрос блокировки социальных сетей рассматривается через призму двух подходов – «использования социальных сетей для неправомερных целей» и «свободы Интернета».

Авторы, придерживающиеся первого подхода, «обвиняют» социальные сети в распространении дезинформации и содействии распространению незаконного контента по всему миру. Так, по мнению А.К.Расулева социальные сети содержат огромный массив деструктивного контента, что стало опасным в период пандемии и более убедительным для простого обывателя [10, С.223]. М.В.Ульянов отметил, что период пандемии ускорил цифровизацию всех сфер жизни, в связи с чем увеличились масштабы и разнообразие преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая преступность, совершаемая посредством социальных сетей [12, С.54]. Старший исследователь Датского института по правам человека Р.Ф.Иоргенсен отмечает, что для защиты прав человека необходимо разумное ограничение для противодействия контенту, который подстрекает к насилию, ненависти и преследованиям, направленным на то, чтобы заставить замолчать отдельных лиц, конкретные группы или меньшинства. По мнению автора, государствам следует уделять особое внимание защите уязвимых групп и сообществ, подверженным риску в виртуальном пространстве [7].

В целом, позиция авторов в рамках первого подхода больше носит превентивный характер. Указанные авторы придерживаются мнения о важности предупреждения угроз, возникающих при использовании социальных сетей. Однако подобная трактовка «всегда видит только негативные стороны» социальных сетей. Следует вспомнить довольно знаменитый пример с ножом. Нож может быть не только орудием убийства, но и кухонным прибором для повара. Поэтому рассматривать социальную сеть как место для совершения различного рода правонарушений является не совсем верным. Конечно, никто не отрицает важность принятия превентивных мер. Однако такого рода меры должны быть профилактическими и разумными, не допуская необоснованное вмешательство в виртуальную среду.

Группа авторов, придерживающихся второго подхода рассматривает социальную сеть как виртуальную среду, где также должны соблюдаться ценности свободы слова, свободы общения через Интернет. Для них изначально позитивная роль социальных сетей стала предметом повышенного внимания. И.Р.Рустамбеков отмечает, что Интернет, в первую очередь, является местом для реализации гражданско-правовых отношений, развития электронной коммерции, оказания интерактивных государственных услуг [11, С.23]. При этом, по мнению Б.К.Жонса Интернет (и социальные сети, в частности) технически не считается общественным форумом, поскольку частные интернет-провайдеры предоставляют основные средства доступа, а частные технологические компании часто контролируют контент, но, если социальные сети намеренно отключаются или нарушаются из-за преднамеренного вмешательства правительства, то имеет место нарушение прав человека [6]. В целом, ограничение доступа к социальным сетям нельзя рассматривать аналогично цензуре. Так, по мнению Д.С.Емельянова и А.А.Овчинникова, ограничение доступа осуществляется исключительно в случаях, когда есть нарушение требований закона [9, С.47]. П.Н.Астапенко считает, что злоупотреблений рычагом ограничения доступа к социальным сетям позволяет говорить об институциональной уязвимости права и свобод в Интернет-эпоху [8, С.16].

В любом случае можно отметить, что вопрос блокировки требует эффективного законодательного регулирования. Так как, отсутствие внятных и оперативных мер

может привести к дисбалансу в соотношении свободы слова и информационной безопасности. Ведь основная цель ограничения доступа к социальным сетям является защита интересов классической триады «личность – общество – государство». Это и не зря. Так как именно интересы всех этих субъектов могут быть затронуты в виртуальном пространстве. Например, клевета или оскорбление в социальных сетях посягает на права и свободы личности. Распространение фейков через социальные сети может стать инструментом манипулирования общественным сознанием. Вредная дезинформация, в том числе о пандемии COVID-19, также распространяется легко и быстро среди общественности. А призывы к насильственному изменению конституционного строя представляют реальную угрозу для государства. Трагические события в Капитолии США 6 января 2021 года – лишь один из примеров насилия, которое, по мнению экспертов по национальной безопасности, было спровоцировано в значительной степени на платформах социальных сетей [13]. Поэтому важно конкретно определять порядок и основания ограничения доступа к Интернету.

В Республике Узбекистан ограничение доступа к информационным ресурсам, к которым относится и социальные сети, осуществляется в рамках законодательства об информатизации и персональных данных.

Основания для ограничения доступа к социальным сетям в Узбекистане указаны в двух законах страны – «Об информатизации» и «О персональных данных».

Первое основание предусмотрено в части третьей статьи 12¹ Закона Республики Узбекистан «Об информатизации», ограничение доступа к социальным сетям осуществляется при неисполнении владельцем социальной сети или страницы в ней, а также блогером требований по размещению общедоступной информации в социальных сетях [2]. Следовательно, эти требования обязательны как для владельца социальной сети, так и для пользователя, размещающего общедоступную информацию. Последний на «языке» законодателя определяется как блогер.

Требования размещения общедоступной информации в социальных сетях можно подразделить на две части: требования **по содержанию** и требования **достоверности**.

Требования по содержанию предусматривают недопустимость распространения контента определенного вида. Так, часть первая статьи 12¹ Закона Республики Узбекистан «Об информатизации» предусматривает **11 категорий** (до 2021 года – 7 категорий) контента, который запрещается размещать. Условно их можно подразделить на три категории:

- первая категория контента посягает на права личности (информация, порочащая честь и достоинство граждан; распространение сведений о частной жизни; информация, побуждающая или склоняющая к действиям, угрожающим жизни или здоровью человека);

- вторая категория контента посягает на интересы общества (распространение фейков, содержащих угрозу общественному порядку или безопасности; информация, возбуждающую национальную, расовую, этническую или религиозную вражду; пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; пропаганда порнографии, культа насилия и жестокости);

- третья категория контента представляет угрозу государству (призыв к насильственному изменению существующего конституционного строя, территориальной целостности Республики Узбекистан, к массовым беспорядкам, насилию над гражданами; пропаганда войны, насилия и терроризма, а также идей религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма; разглашение сведений, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; распространения информации, демонстрирующей неуважение к государству и государственным символам).

В рамках категорий запрещенного контента также выделяется «информация, размещаемая для совершения других действий, влекущих за собой уголовную

и иную ответственность в соответствии с законом». На наш взгляд, данная формулировка является неудачной. Так как, подобная формулировка может повлечь за собой различное толкование. Особенно фраза «иная ответственность». Ограничение доступа к социальным сетям должно быть конкретным и не подлежать расширительному толкованию. Поэтому следует избегать общих фраз и выражений, особенно, когда речь идет об ограничении в Интернет-пространстве. Такая позиция прослеживается в ряде международных актов. Так, **Страсбургская декларация о свободе общения в Интернете** предусматривает, что государственные органы не должны, за счет мер общего блокирования или фильтрации лишать общественности доступа к информации и другим коммуникациям в Интернете, а блокирование доступа к ним должно осуществляться при наличии решения компетентного органа о незаконности контента [5].

Требование по достоверности обязывает проверять верность и соответствие действительности распространяемого контента до его распространения. То есть, перед публикацией блогер обязан проверить верна ли размещаемая информация, достоверны ли указанные в этой информации различные данные (статистика, новости или примеры). Данная обязанность возлагается на владельца веб-сайта и блогера.

Также в рамках требований по достоверности законодатель обязывает осуществлять мониторинг социальных сетей для выявления возможных нарушений требований законодательства. В вопросе мониторинга контента в социальных сетях целесообразно рассмотреть опыт таких платформ, как **Meta (Facebook)** и **Twitter**, которые стали де-факто общественными площадками во многих странах. Эти социальные сети запрещают посты, пропагандирующие культ насилия или жестокости, порнографию, а также любой контент, расценивающийся как оскорбление человека по признакам расы, пола или иных дискриминационных характеристик. Эти платформы, как правило, соответствуют законам стран, в которых они работают. В дополнение к использованию программного обеспечения для фильтрации контента, основанного на умных технологиях, Facebook, Twitter и YouTube (который принадлежит Google) имеют штат сотрудников для проверки сообщений на предмет нарушений.

Рассматриваемые платформы также предприняли шаги по ограничению дезинформации, в том числе путем проверки фактов в сообщениях, маркировки аккаунтов государственных СМИ и запрета политической рекламы. Все это указано в **пользовательских соглашениях**. Подобный расклад является эффективным, так как предусматривает фильтрацию контента самим владельцем или оператором социальных сетей без государственного вмешательства. На наш взгляд, эту же практику следует применять и в Узбекистане. В пункте 328 Государственной программы по реализации Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы в «Год обеспечения интересов человека и развития махалли» предусмотрена задача по созданию современных коммуникационных программ и мессенджеров для защиты персональных данных граждан. Неопределенность правового статуса использования социальных сетей может повлечь проблемы в реализации вышеуказанной задачи, а также в правоприменительной практике и квалификации правонарушений. Поэтому важно применять практику повышения ответственности и мониторинга самих владельцев социальных сетей и блогеров над контентом.

Следует отметить, что мониторинг контента социальных сетей осуществляется государством в лице **Агентства информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан**. Агентство в рамках возложенных на него задач осуществляет мониторинг социальных сетей и иных Интернет-ресурсов. При выявлении нарушений требований размещения общедоступной информации **Центр по вопросам массовых коммуникаций** этого Агентства направляет запрос лицу, который разместил общедоступную информацию, с требованием удалить пост в течение 24 часов. Запрос может касаться как самого

поста, так и комментариев к ним. Одним из примеров может послужить запрос Центра к администратору канала «TROLL.UZ» от 23 мая 2022 года, в котором было указано на 34 комментария неприличного или оскорбительного характера, требующих удаления. Следовательно, владелец или блогер обязаны также следить за комментариями, которые включаются в состав контента.

Также такой мониторинг осуществляется со стороны **правоохранительных органов** для выявления случаев совершения правонарушений или преступлений.

Второе основание вытекает из сущности статьи 27¹ Закона Республики Узбекистан «О персональных данных», согласно которой при обработке персональных данных граждан Узбекистана в Интернете собственник или оператор социальной сети обязан обеспечить их сбор, систематизацию и хранение в базах персональных данных на технических средствах, которые физически размещены на территории Узбекистана и зарегистрированы в установленном порядке в Государственном реестре баз персональных данных [3].

Хотя в Законе не указано, что невыполнение этих указаний влечет ограничение доступа к социальным сетям, но нарушение данных требований на практике влечет за собой ограничение доступа. Ярким свидетельством этого является ограничение доступа социальным сетям «Wechat», «ВКонтакте», «TikTok» и «Twitter» с 2 июля 2021 года в соответствии с предписанием и представлением Государственной инспекции по контролю в сфере информатизации и телекоммуникаций Республики Узбекистан [15]. 3 ноября 2021 года был ограничен доступ также к таким социальным сетям, как Telegram, Facebook, «Одноклассники», YouTube, однако через несколько часов доступ был восстановлен [16]. Это событие вызвало резонанс среди пользователей. Также это повлекло за собой освобождение от должности некоторых должностных лиц в этой сфере. Вообще этот пример наглядно показывает насколько важно обдуманно и эффективно подходить к вопросам ограничения доступа к ресурсам в сети Интернет.

Как мы видим из анализа существующих оснований для ограничения доступа к социальным сетям, подобное действие осуществляется **Министерством по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан** (случаи нарушения требований размещения общедоступной информации) или **Государственной инспекции по контролю в сфере информатизации и телекоммуникаций Республики Узбекистан** (случаи с персональными данными). Именно эти органы осуществляют организационно-технические мероприятия по ограничению доступа к социальным сетям.

Вопрос ограничения доступа к социальным сетям также представляет интерес. Так, согласно действующему порядку (Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 05.09.2018 года № 707 «О мерах по совершенствованию информационной безопасности во всемирной информационной сети Интернет») ограничение доступа к информационным ресурсам осуществляется на основании заключения Центра по вопросам массовых коммуникаций Агентства информации и массовых коммуникаций или решения Экспертной комиссии в сфере информации и массовых коммуникаций [4]. При этом заключение Центра или решение комиссии могут быть обжалованы в судебном порядке.

Информационные ресурсы (веб-сайты, включая социальные сети) содержат массив информации, находящихся в открытом доступе. Доступ к информационным ресурсам является способом реализации конституционного права на свободу мысли, слова и убеждений, а также поиск, получение и распространение информации.

Согласно статье 19 Конституции Республики Узбекистан права и свободы граждан, закрепленные в Конституции и законах, являются незыблемыми, и никто не вправе без суда лишить или ограничить их [1]. Следовательно, ограничение доступа к информационным ресурсам является ограничением прав личности, в связи с чем подобное действие должно осуществляться исключительно судом.

С учетом вышеизложенного действующий порядок ограничения доступа к информационным ресурсам противоречит сущности Конституции Республики Узбекистан. Такое же мнение поддерживает А.К.Расулев, который указывает, что суд является конечной инстанцией, которая осуществляет правосудие, в связи с чем судебный порядок является справедливым [10, С.227].

Отчет международной организации Freedom House показывает, что **зарубежная практика** ограничения доступа к социальным сетям также является неоднозначной. Так в Германии Закон о защите прав в сети, известный как Network Enforcement Act (**NetzDG**), требует, чтобы компании социальных сетей быстро удаляли «явно незаконный» контент, включая разжигание ненависти. В противном случае администраторам социальных сетей грозят крупные штрафы [14].

В США и многих **странах Западной Европы** компании, работающие в социальных сетях, пользуются строгой защитой ответственности и в значительной степени саморегулируются. То есть основной упор делается на определение незаконности контента, который определяются федеральным законодательством или законодательством штатов [14].

Законодательство **Австралии** предусматривает, что администраторы социальных сетей должны быстро удалять «материалы с применением откровенного насилия или жестокости», в противном случае возможно наложение санкций в виде штрафов. Подобная ответственность была принята после теракта в Крайстчерче, который транслировался в прямом эфире на Facebook [14].

В Индии платформы социальных сетей, как правило, освобождаются от ответственности за определенный пост или комментарий, но могут быть вынуждены удалить контент. Однако, по данным Freedom House участились случаи отключения Интернета, и правительство стремится установить больший контроль над некоторыми платформами [14].

Во многих странах Латинской Америки, в частности **Бразилии** платформы социальных сетей находятся в свободном доступе. Однако законодательный орган рассматривает законопроект, который, как опасаются правозащитные организации, подрвет свободу выражения мнений [14].

Один из самых строгих законов о Интернет-цензуре в мире функционирует в **Китае**. В Китае многие зарубежные социальные сети запрещены, а их китайские аналоги находятся под пристальным наблюдением правительства [14].

Как мы видим, в США и Европе платформам социальных сетей в значительной степени предоставлено самим определять и проводить в жизнь свою собственную политику. В некоторых странах внедрен механизм контроля за онлайн-пространством. Такого подхода придерживаются Австралия и Германия [14].

На основании анализа научно-теоретических воззрений ученых и законодательства Республики Узбекистан, можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо внедрить порядок ограничения доступа к информационным ресурсам, в частности к социальным сетям, веб-сайтам и веб-страницам в сети Интернет, содержащих информацию, распространение которой запрещено законодательством Республики Узбекистан, только на основании **решения суда**.

2. Целесообразно определить на уровне закона порядок, условия и содержания **пользовательского соглашения** в социальных сетях, в первую очередь, в национальных социальных сетях. Это позволит регулировать вопросы мониторинга и фильтрации контента без участия государства.

3. Следует конкретизировать условия и основания ограничения доступа к социальным сетям, не допуская расширительное толкование норм законодательства. В этих целях следует **кардинально пересмотреть нормы законодательства об информатизации и о персональных данных**. На наш взгляд, механизм ограничения доступа должен быть универсальным и конкретным.

В любом случае к вопросу ограничения свободы доступа к социальным сетям

следует подходить с осторожностью, не допуская необоснованное и незаконное ограничение свободы слова и обмена информацией в Интернете.

Иқтибослар / Сноски / References:

1. Конституция Республики Узбекистан (Constitution of the Republic of Uzbekistan) // <https://lex.uz/docs/35869>.
2. Закон Республики Узбекистан от 11 декабря 2003 года № 560–II «Об информатизации» (Law of the Republic of Uzbekistan No. 560–II dated December 11, 2003 “On informatization”) // <https://lex.uz/docs/82956>.
3. Закон Республики Узбекистан от 2 июля 2019 года № ЗРУ–547 «О персональных данных» (Law of the Republic of Uzbekistan dated July 2, 2019 No. LRU–547 “On personal data”) // <https://lex.uz/docs/4396428>.
4. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 5 сентября 2018 года № 707 «О мерах по совершенствованию информационной безопасности во всемирной информационной сети Интернет» (Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 707 dated September 5, 2018 “On measures to improve information security in the World Information network Internet”) // <https://lex.uz/docs/3893082>.
5. Декларация о свободе общения в Интернете, принятая в Страсбурге, 28 мая 2003 года Комитетом Министров Совета Европы на 840-м заседании заместителей министров (Declaration on Freedom of Communication on the Internet, adopted in Strasbourg, May 28, 2003 by the Committee of Ministers of the Council of Europe at the 840th meeting of Deputy Ministers) // <https://medialaw.asia/document/-2358>.
6. Jones B.C. Is Social Media a Human Right? Exploring the Scope of Internet Rights. International Journal of Constitutional Law Blog, December 5, 2014. // <https://ssrn.com/abstract=2534617>.
7. Jørgensen R.F. A Human Rights-Based Approach to Social Media Platforms. Berkley Forum, February 26, 2021. // <https://berkleycenter.georgetown.edu/responses/a-human-rights-based-approach-to-social-media-platforms>.
8. Астапенко П.Н. Интернет, социальные сети и права человека. Институционально-правовые аспекты // Закон и право. 2019. №10. – С.15-21. (Astapenko P.N. Internet, social networks and human rights. Institutional and legal aspects // Law and Law. 2019. No. 10. – pp.15-21.) // <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-sotsialnye-seti-i-prava-cheloveka-institutsionalno-pravovyye-aspekty>.
9. Емельянов Д.С., Овчинников А.А. Ограничение права на свободу слова в эпоху социальных сетей (Emelyanov D.S., Ovchinnikov A.A. Restriction of the right to freedom of speech in the era of social networks // Education and law. 2021. No. 3. – pp. 46-53) // Образование и право. 2021. №3. – С. 46-53. // <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-prava-na-svobodu-slova-v-epohu-sotsialnyh-setey>.
10. Расулев А. Информационная безопасность в условиях пандемии коронавируса // Review of law sciences. 2020. №. 2. – С. 224-228. (Rasulev A. Information security in the context of the coronavirus pandemic // Review of law sciences. 2020. No. 2. – pp. 224-228.) // <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa>.
11. Рустамбеков И.Р. Об определении правового понятия сети Интернет // Информационное право. 2015. № 3. – С. 22-26. (Rustambekov I.R. On the definition of the legal concept of the Internet // Information law. 2015. No. 3. – pp. 22-26.) // <https://wiselawyer.ru/poleznoe/82223-opredelenii-pravovogo-ponyatiya-seti-internet>.
12. Ульянов М.В. Противодействие преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий в условиях применения карантинных мер // Национальная безопасность / nota bene. 2020. №2. – С. 52-61 (Ulyanov M.V. Countering crime in the field of information and communication technologies in the context of quarantine measures // National security / nota bene. 2020. No.2. – pp. 52-61.) // <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-prestupnosti-v-sfere-informatsionno-kommunikatsionnyh>.

[tehnologiy-v-usloviyah-primeneniya-karantinnyh-mer](#).

13. Timberg C., Dwoskin E. and Albergotti R. Inside Facebook, Jan. 6 violence fueled anger, regret over missed warning signs // <https://www.washingtonpost.com/technology/2021/10/22/jan-6-capitol-riot-facebook/>.

14. The Crisis of Social Media. Report of Freedom House // <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2021/global-drive-control-big-tech>.

15. Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных (Register of violators of the rights of personal data subjects) // <https://pd.gov.uz/spoiler/?type=spoiler>.

16. «Узкомназорат» ограничил доступ к Telegram, Facebook, Instagram и другим соцсетям (Instagram Facebook, Instagram and other social networks have been restricted by Uzkomnazorat.) // <https://www.gazeta.uz/ru/2021/11/03/restrictions/>.